

Новицкая О. В., Прокопенко Л. Е.

МАТЕРИАЛЫ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ ИЗ ЧАСТНЫХ АРХИВОВ И МУЗЕЙНЫХ КОЛЛЕКЦИЙ ДЛЯ ЭКСПОЗИЦИИ МИРСКОГО ЗАМКА

В ближайшем будущем планируется завершение реставрационных работ в Северном корпусе дворцовой части Мирского замка и размещение в нем музейной экспозиции. Согласно проекту научной концепции экспозиция трех залов будет посвящена военным событиям XX в. Это два зала на первом ярусе (1–2-й отсеки) и подвал Северо-Западной башни: события Первой и Второй мировых войн (1914–1918; 1939–1945), еврейское гетто в Мирском замке во время Великой Отечественной войны (1942).

Фото 1

В данной работе речь идет о собранных материалах, касающихся Великой Отечественной войны. Мир неоднократно горел как в довоенные, военные, так и в послевоенные годы, поэтому сохранилось очень мало вещей, связанных с этим периодом. Начать следует со снимка, сделанного в Мире в начале войны, вероятно, немецким фоторепортером. На нем изображена колонна немецких автомашин на дороге, проходящей возле стен Мирского замка. Оригинал этой фотографии находится в Гродненском государственном музее истории религии. Фотография (размером 6,2×9,2 см) была получена в 1984 г. от военнослужащего одной из воинских частей (*фото 1*).

Вот как описывает начало войны Сарра Бенциановна Ландер (Хаймович) (*фото 2*) — бывшая жительница м. Мир, письмо которой может быть выставлено в одной из витрин: «...27.06.41 нас оккупировали. Я с мамой и еще одним фармацевтом (Каплан) находилась в аптеке. Мы видели, как со стороны ул. Жуховицкой мчались фашистские автоматчики к речке мимо костела, а со стороны улицы

Фото 2

Фото 3

(ныне Красноармейской. — *Здесь и далее в названиях улиц прим. авторов*) отступала колонна грузовиков с солдатами. Завязался бой, потом пожар. Мы спрятались под буфетом столовой (нашей квартиры, находящейся сзади аптеки); слышали звон канонады, грохот падающих аптечных склянок и стук в окно соседей: «Вы горите». Мы выскочили и дворами помчались в поле, где во ржи пролежали весь день...». Так началась война.

Сарра Ландер и ее мать Анна Савельевна Хаймович были одними из немногих мирских евреев, переживших Великую Отечественную войну.

Предвестником массовых еврейских расстрелов стали события 22 июля 1941 г. Утром этого дня через юденрат (организацию, созданную в первые дни оккупации для связи евреев с немцами) поступило указание явиться якобы на строительные работы на площадь к церкви некоторым мужчинам-евреям и иметь при себе драгоценные вещи, золото, меха. В результате дядя Сарры Ландер Яков Розовский (*фото 3*) и еще 20 человек по наводке полицаяв были расстреляны разрывными пулями в урочище Яблоновщина.

Через три недели после немецкого вторжения в Мире было создано первое гетто, состоявшее из улиц Завальной (ныне ул. Ленинградская) и Высокой (ныне ул. Кирова) между улицами Виленской (ныне ул. Красноармейская) и Минской (ныне ул. Танкистов). Туда были включены дома по одну сторону каждой из улиц; таким образом, гетто представляло собой прямоугольник, обнесенный колючей проволокой. В этом районе хозяева были выселены из своих домов, а новыми жильцами стали согнанные туда евреи.

9 ноября 1941 г. — начало массового уничтожения евреев м. Мир. Около 1,5 тыс. человек были расстреляны в песчаном карьере вблизи Мирского замка. Еще 750 евреев, собранных у здания юденрата (дом находился на углу нынешних улиц Ленинградской и Танкистов), отвели на западную окраину местечка (ныне ул. Октябрьская) к зданию скотобойни, где мужчин заставили вырыть ров, и всех людей расстреляли¹.

---

¹ По воспоминаниям Талеж В. С.

Фото. 4

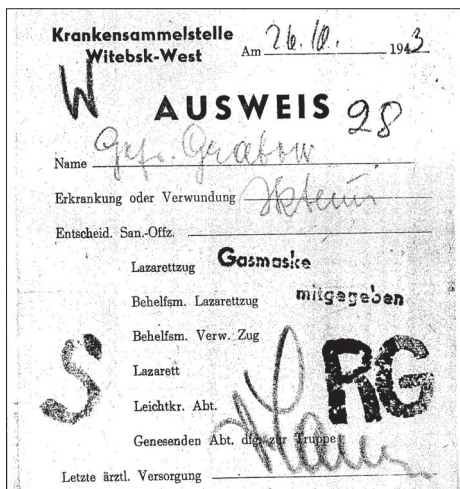

Фото. 5

Более 2 тыс. мирских евреев ушли из жизни, не оставив после себя практически ничего. Лишь памятные знаки, стоящие на их могилах, напоминают о трагедии этих людей. Только единичные вещи, когда-то принадлежавшие им и случайно сохранившиеся у местных жителей, могут хотя бы немного рассказать о том времени. Одна из таких вещей — салфетка, подаренная на память еврейской женщиной по имени Хася местной жительнице Надежде Петровне Гайсюк. Хася понимала, что выжить в военное время будет сложно, поэтому, как и многие другие евреи Мира, сразу хотела продать кое-что из вещей. Но Надежда Петровна отказалась купить предложенные ей салфетку и хрустальную вазу, так как в семье лишних денег не было. Тогда через несколько дней, уже перед самым расстрелом, Хася оставила эту салфетку (фото 4) Н. П. Гайсюк как какое-то напоминание о себе². На протяжении более 60 лет вещь хранилась в этой семье и была подарена нашему музею дочерью Надежды Петровны — Зоей Борисовной Гисич в 2008 г. Основа салфетки — батист, размер 90×92 см. По краям — кружева,

² По воспоминаниям Гисич З. Б.

выполненные крючком. По периметру салфетки — вышивка гладью со вставками «мережки» (вытянутой нити).

После массовых расстрелов немцы приказали выйти из укрытий оставшимся в живых евреям. Они объясняли, что расстреляли только тех, кто травил хлеб и убивал немецких солдат, а остальных трогать не будут. После этого евреи начали выходить из своих укрытий. Был выбран новый юденрат. Гетто усиленно не охранялось, так как руководство откупалось большими деньгами. Но немцев не устраивало нахождение евреев в самом местечке, поэтому собранные во 2-е гетто оставшиеся в живых около 850 человек были переведены в мае 1942 г. в Мирский замок³. Евреи заняли подвал и 1-й этаж Северного корпуса, а также подвал и два нижних этажа Северо-Западной башни. Замок хорошо подходил для использования в качестве гетто, потому что был только один закрывающийся вход и окна были размещены на большой высоте. Из воспоминаний С. Б. Ландер: «Нас поселили в левую переднюю башню на втором этаже, всего 18 человек. Обзор был круговой. Туалетов не было и нам приходилось подниматься по разрушенным ступеням вверх и осуществлять свои потребности. Нас гоняли на работу. Мне приходилось разбирать торфяные бурты где-то за замком. Мы оттуда приносили по паре торфяных кирпичей, используя их при приготовлении пищи...».

Лишь немногие из евреев имели пропуск «аусвайс» (*фото 5*), по которому могли выходить в город. Одной из них была мама Сарры Ландер — Анна Савельевна Хаймович. Окончившая Варшавский университет, она работала в аптеке м. Мир, и поскольку других фармацевтов не было, то ее оставили на работе.

Кроме нее немцами для работ был оставлен портной Песах Жуховицкий, мастер своего дела. Специалистов такого рода в м. Мир до войны было немало. Для людей было привычнее пошить одежду, чем купить готовую. У евреев в запасе всегда было много тканей. Из праздничной одежды — одно дорогое пальто, одно дорогое платье или костюм.

³ Mir Memorial Book (Belarus). Translation from Sefer Mir Edited by: N. Blumenthal. Published by the «Encyclopedia of the Diaspora». Jerusalem, 1962.

В фондах НХМ РБ имеется пальто, которое было пошито портным Песахом Жуховицким (на ярлыке надпись «Krawiec meski P. Zuchowicki. Mir») для местного жителя Семена Семеновича Фурса. Семья этого человека была небогатой, имела свою землю, однако пальто надевалось редко, в праздничные и выходные дни, по воскресеньям — в церковь. На свадебной фотографии, сделанной в феврале 1938 г., Семен Семенович изображен со своей женой Елизаветой Николаевной именно в этом пальто. Несмотря на то что дом трижды горел, эта вещь смогла сохраниться и стать примером отменного мастерства портного П. Жуховицкого⁴.

П. Жуховицкий вместе с Анной Савельевной Хаймович и ее дочерью избежали расстрела 13 августа 1942 г. Их оставили в живых как хороших специалистов. Других евреев-мирян ждала иная участь.

В 1942 г. в гетто еврейской молодежи была организована группа сопротивления, усилия которой были направлены на получение оружия. Но попытки достать его вначале были неудачными. Помог им в этом 20-летний юноша — еврей Освальд Руфайзен (*фото 6*), который выдал себя за выходца из польско-немецкой семьи, прекрасно владел немецким языком и служил переводчиком в местном отделении полиции. Достать оружие для Освальда не составляло труда, так как он имел к нему доступ. Сразу было доставлено 10 карабинов. 11 августа стало известно о готовящейся через два дня акции, и в тот же день было решено бежать. Но побег откладывался, хотя Руфайзен предупреждал, что время акции близко. Евреи жили иллюзией, что просто так не расстреливают, и, не давая повода, можно выжить. За сутки из замка ушли почти 300 человек (*фото 7*)⁵. С некоторыми из них Освальд Руфайзен встретился в 1992 г., спустя 50 лет после побега.

Из воспоминаний С. Б. Ландер: «...На следующий день после побега 11.08.42 года, выглянув в бойницы, ...мы увидели, что

---

⁴ По воспоминаниям Гучек Л. С.

⁵ O. Daniel Maria Oswald Rufeisen (1922–1998 ... Karmelu — Autobiografia, opracowanie i posłowie: Benignus Józef Wanat OCD, Wydawnictwo Karmelitów Bosych, Kraków 2001.

замок окружен. На валах автоматчики и пулеметчики. Все стало ясно. Паники в замке не было. Женщины стали собирать маленьких детей и одевать их по-праздничному, чтобы в могилу идти чистенькими. Все понимали, что гибель неизбежна. Мужчины ... молились. Мои дедушка и бабушка приняли яд. Как сейчас помню, дедушка сказал: «Внученька, прости меня, я тебя за все прощаю». Тетя Соня дала 5-летней Ривочке яд. Перед приемом малышка сказала: «Мама, у меня ничего не болит». Сама тетя Соня и дядя Зяма приняли яд, но он на них не подействовал, они проснулись. Тогда дядя Зяма перерезал себе вены — кровь не потекла. Моя мама тоже давала мне яд, но я отказалась и не разрешила принимать яд ей. Мама ушла на работу. У нее был пропуск. Вечером она вернулась, а на следующий день опять ушла на работу. Там к ней зашел доктор Лизунов и сказал: «Сейчас идите в гетто и заберите Сарру — завтра будет поздно». Мама пошла, и когда она пошла к валам, то сказала немцам, что идет в замок, но через час выйдет с дочерью. Нас проводили рыданиями, и мы пошли — немцы нас не задержали. Мы пришли в аптеку, и мама продолжала работать, но не в самой комнате, а в кладовке, где стояла кровать, на которой я лежала. Прошли день и ночь. Утром пришла уборщица и сообщила, что всех вывезли в Яблоновщину и расстреляли...».

Об этом трагическом событии до сих пор напоминает памятный знак в лесу.

Фото. 6

Фото. 7

В Национальном архиве Республики Беларусь имеется достаточно документов (фонд 1399, описание 1, дела 21, 536, 537, 549), свидетельствующих о наличии в м. Мир в годы Великой Отечественной войны Мирского гарнизона: разведдонесение, составленное командиром отряда им. Воронова, схема-план военного городка гарнизона в местечке. Как видно на плане-схеме, место было обнесено колючей проволокой, имелось несколько «проходных» с немецкими патрульными.

20 марта 1944 г. партизанской бригадой им. Жукова было организовано нападение на немецкий гарнизон м. Мир⁶. В результате этой акции были убиты немецкий офицер Шульц, 12 немецких летчиков, 20 полицейских, 6 человек командного состава полиции и переводчица⁷.

7 июля 1944 г. Мир был освобожден 2-м батальоном 856-го стрелкового полка. В местечке после Великой Отечественной войны уцелело только 20% строений довоенного периода⁸. Сохранившиеся фотографии наглядно демонстрируют те условия, в которых людям пришлось существовать.

Приложение к докладу

Предисловие Н. М. Усовой

Публикация О. В. Новицкой, Л. Е. Прокопенко

Сарра Бенциановна Ландер, урожденная Хаймович, родилась в м. Мир 11 января 1930 г. В 12-летнем возрасте вместе с матерью находилась в гетто, которое располагалось в Мирском замке. Одна из немногих узников гетто, которым посчастливилось выжить. После войны Сарра с матерью Анной Савельевной жила в г. Барановичи. Окончив среднюю школу, поступила в Ленинградский электротехнический институт. Став инженером, по направлению попала в г. Казань на завод «Элекон», где проработала 40 лет в испытательном отделе. В 1993 г. в возрасте 63 лет ушла на пенсию.

---

⁶ Национальный архив Беларуси. Ф. 1399. Оп. 1. Д. 531.

⁷ Национальный архив Беларуси. Ф. 1399. Оп. 1. Д. 552.

⁸ Хілімонаў В. А. Мірскія былі. Мн., 1990

В настоящее время Сарра Бенциановна Ландер проживает в г. Казани. Она передала в Музей истории и культуры евреев в Минске и Замокский комплекс «Мир» вещи и фотографии своего дяди Якова Розовского, расстрелянного в Яблоновщине близ Мира в 1941 г., фотографии матери Анны Савельевны и дяди Зямы Бермана.

Ее воспоминания о довоенном Мире и, особенно, об условиях существования в гетто, написанные по просьбе сотрудников филиала НХМ РБ «Замокский комплекс «Мир» О. Новицкой и Л. Прокопенко — ценное историографическое свидетельство трагедии, произошедшей в замке летом 1942 года.

Воспоминания Сарры Ландер. г. Казань. 2008 г.

Уважаемые Ольга Васильевна и Людмила Евгеньевна!

Получила Ваше письмо. Попытаюсь по «мере памяти» рассказать: ведь прошло столько лет, хотя отдельные моменты просто не забываются.

Итак, я родилась в семье аптекарей. Моя мама, Хаймович Анна Савельевна⁹, закончила Варшавский университет, а отец, Бенцион Шлемович, специального образования не имел. Как ни странно, но ни аптека, ни дом, в котором мы жили, родителям не принадлежали.

Мои бабушка и дедушка Розовские Либс-Гитл и тетя со стороны матери ведали аптечным складом. Дедушка славился тем, что обладал глубокими знаниями в разных областях знаний, помогая местным жителям в лечении различных недугов. Его лучшим другом был Вильчицкий... — дедушка Лидии Георгиевны. Отсюда и корни нашей 100-летней дружбы с семьей Вильчицких. Другого деда я почти не знала. Он был сыроваром. У меня были тетя Соня и дядя Зяма Берманы с дочерью Ривочкой, а также брат моей мамы — Яша. Время моего довоенного житья проходило спокойно, без националистических волнений бытия. Моими подругами, кроме Лиды и Лары, были двоюродные сестры Рута и Вроня Крайнович, Кира и Этела Каплан.

---

⁹ 1897 г.р. Прим. ред.

Мы жили на Рыночной площади, где находились торговые ряды. Если на самом рынке торговали в основном зеленью и овощами татары с Татарской улицы, то остальные продукты из деревень привозили крестьяне. В магазинчиках (по сегодняшним меркам палатках) торговали евреи. По памяти, это была семья Гильмовских: Маня и Илья продавали ткани. У них было три дочери — Белка, Доба и Мера. Семья Подзников¹⁰ торговала промтоварами. Кроме торговли многие евреи занимались ремеслами — сапожники, парикмахеры и так далее. Отдельную категорию составляли врачи. По тем временам это были медики широкого профиля. Среди тех, кого я помню, были доктор Миллер, доктор Ботвинский, Черный Сая (?), семья Гаркавых (подробнее о них вы можете узнать в Мире), семья Гальвер, Ицкович.

Необходимо отметить, что культурный уровень местечка, невзирая на захолустье, был высок. На него откладывался отпечаток приезда в гости родственников из Европы, Америки, Австралии, а также наличие в местечке известной во всем мире иешивы — высшего учебного заведения по подготовке раввинов. Так что, во многих семьях снимали угол иешиве-бохеры¹¹ (парни), которые приезжали на учебу из разных стран.

Из организаций, я помню, был Шомер¹² — полагаю, что это была национальная организация наподобие скаутов. У них была форма, они устраивали вылазки за город. Кстати, члены нашей семьи и многих других еврейских семей выезжали в Прилуки, где снимали на лето комнаты, покупали у хозяев продукты, ходили в лес с лежаками, собирали грибы, купались в речке Миранка (хорошее и беззаботное было время). Иногда, некоторые ездили на курорты в Закопане, посещали Вильно, Барановичи. Для отъезда из Мира на рыночной площади стояла машина (типа «антилопагну»), и шофер Кравец отвозил желающих в Городею или Столбцы. Понимаю, что имелась и какая-то организация, занимающаяся

---

¹⁰ Семья Позняк. Прим. ред.

¹¹ В переводе с идиш — студенты иешивы. Прим. ред.

¹² Ха-Шомер, ха-Цаир («Юный страж») — сионистское молодежное левоцентристское движение. — Прим. ред.

подготовкой еврейской молодежи для отправки в Палестину. Ребята уезжали на учебу, чтобы потом поехать в Палестину (государства Израиль еще не было) и там организовать киббуцы¹³ (аналог колхозов или совхозов) с практически общим для разных семей ведением хозяйства. Киббуцы и сейчас имеются в Израиле, хотя свою актуальность теряют.

1 сентября 1939 года все изменилось. Началась война Польши с Германией. 17 сентября нас освободили советские войска. Изменилось многое. Польские школы стали русскими; проходила национализация и муниципализация, а также экспроприация «богатых». Переселяли, вывозили в Среднюю Азию многих, кто не вписывался в стандартный, по тем меркам, советский образ жизни. Это относилось ко всем национальностям, населявшим местечко. Как ни парадоксально, но принудительное выселение спасло многих евреев от Холокоста.

А дальше была война, страшная и дикая, не на жизнь, а на смерть. И в этой войне мы с мамой остались живы только благодаря семье Вильчицких, которые, рискуя собственной жизнью, помогали нам избежать гибели от рук фашистов. И мне очень горько осознавать, что из-за некоторых нюансов я не смогла их представить на присвоение звания «Праведник мира»¹⁴ ныне учрежденного в Израиле.

---

¹³ Еврейские сельскохозяйственные объединения, основанные на принципах коллективного владения имуществом и коммунальной организации жизни. — Прим. ред.

¹⁴ Праведники мира — согласно израильскому Закону о Памяти Катастрофы (1951) — неевреи, спасавшие евреев в годы нацистской оккупации Европы, Катастрофы (Шоа), рискуя при этом собственной жизнью. Это определение предполагает, что человек рисковал собой с целью спасения других. Звание Праведника мира присуждается при соответствии следующим критериям:

- инициатива спасения принадлежит спасителю;
- наличие четкой связи между действиями спасителя и фактом спасения;
- спаситель осознавал и подразумевал именно спасение еврея;
- действия спасителя не были мотивированы получением денежного вознаграждения, и если он брал деньги, то лишь для того, чтобы обеспечить успех спасения, а не с целью обогащения;
- существовала реальная опасность для спасавшего и его близких. В особых случаях принимается во внимание экономическое и общественное благополучие спасителя.

27.06.1941 года нас оккупировали. Я с мамой и с еще одним фармацевтом (Каплан) находилась в аптеке. Мы видели, как со стороны улицы Жуховицкой¹⁵ мчались фашистские автоматчики к речке мимо костела, а со стороны улицы Виленской (ныне Красноармейской) отступала колонна грузовиков с солдатами. Завязался бой, потом пожар. Мы спрятались под буфетом в столовой нашей квартиры, находящейся сзади аптеки. Слышали звон канонады, грохот падающих аптечных склянок и стук в окно соседей: «Вы горите!». Мы выскочили и двором помчались в поле, где пролежали во ржи весь день.

Не пишу об отце, так как он был направлен до войны в Белосток на курсы провизоров. По словам очевидцев, он пытался бежать из Белостока, но в Слониме попал под бомбежку, где и погиб.

Вечером стало ясно, что мы погорельцы. Вместе с другими мы отправились в дом Гильмовских, где вместе с дедушкой и бабушкой, дядей Яшей заселились в часть комнаты бывшей «залы». Через короткое время другая, отгороженная часть залы была занята «юденратом» — управлением евреев для связи с немцами.

И пошли дикие будни.

27.07 во дворе дома дико всю ночь лаяла собака дяди Яши — Люпус, а утром явилась зондеркоманда, и через юденрат поступило указание явиться всем мужчинам-евреям на площадь у церкви, имея при себе драгоценности, меха и так далее. Дядя Яша пошел, но через некоторое время вернулся, попросив маму (мою бабушку): «Спрячь меня, я готов залезть хоть в печку». Но выхода не было, и он ушел, ушел навсегда. Его и еще 20 человек по наводке полицаяев отобрали и

Все вышеперечисленное подтверждается свидетельствами выживших или наличием подходящих документов.

В честь каждого признанного праведником проводится церемония награждения, на которой самому праведнику или его наследникам вручается почетный сертификат и именная медаль, на которой на двух языках — иврите и французском — выгравирована надпись: «В благодарность от еврейского народа. Кто спасает одну жизнь, спасает весь мир».

В м. Мир такого звания удостоена Софья Ермалович.

¹⁵ Ныне ул. 1 Мая. Прим. ред.

увезли в Яблоновщину¹⁶, где разрывными пулями расстреляли. Местные жители говорили, что земля еще длительное время вздымалась, людей закапывали живыми. По дороге в Яблоновщину дядя Яша выбросил кошелек, чтобы потом было ясно, куда их повезли. Так поступили и другие. Действительно, немцы заявляли, что людей повезли на какую-то стройку. Это было начало.

9.09.41 раздалась выстрелы. Нам сообщили, что началась «бойня» (веселое слово, применимое к извергам человечества). Я выбежала из дома и помчалась в дом на Миранской¹⁷ к фельдшеру Бочковской. Она приютила меня и уложила в кровать, а затем туда прибежала тетя Соня с Ривочкой. Днем стало ясно, что немцы и полицаи начали проводить обыски, и нас подняли на чердак. Там была слышна стрельба, плач, стоны, ведь убиение проходило прямо на улицах.

Это было ужасно. К вечеру к Бочковским пришел дядя Л. Г.¹⁸ и сказал, что надо уходить — завтра будет поздно. Он вывел нас за околицу, и мы пошли дальше Прилук на хутор (к кому, не помню). Там нас уложили в подпол, где хранилась картошка. Пробыли мы там три дня. Хозяин на фурманке отправился в город Мир и выяснил, что бургомистр заявил, что акция закончена и можно возвратиться домой. Мама осталась жива. Она пряталась в местной больнице.

По возвращении стало ясно, что в результате «гуманной» акции по уничтожению евреев погибло 1200 человек. Оставшихся 800 перевели в гетто. Об условиях бытия говорить не приходится. Помогали знакомые, опять же Вильчицкие. Каждый день кого-то

---

¹⁶ Лес в 1,5 км от м. Мир по дороге на Несвиж. Прим. ред.

¹⁷ Ныне ул. 17 сентября. Прим. ред.

¹⁸ Лидия Георгиевна Вильчицкая [2] Прим. ред.

Радюк (Вильчицкая) Лидия Георгиевна. Родилась 2 февраля 1931 г. в м. Мир в семье кузнеца Георгия Степановича Вильчицкого. Рано осталась сиротой (мама — Софья Дмитриевна, урожденная Карпович, — умерла, когда дочери было три месяца), воспитывалась бабушкой и тетями, но никогда не чувствовала себя брошенной и одинокой. В пять с половиной лет вместе с сестрой Ларисой пошла в школу, которую закончила в 1948 г., а в 1956 г. — педагогический институт в г. Минске. С 1950 г. до самой пенсии работала учителем математики в Мирской средней школе. Дружит с Саррой Ландер с 1936 г.

убивали! Пес Люпус перешел в руки полицаев и стал действовать по их образу и подобию. Все это время мама работала в аптеке, в которой находилась и поликлиника, а также жил врач Лизунов, бывший военнопленный.

Но немцев не устраивало нахождение евреев в самом местечке, и весной 1942 года всех перевели в замок. Нас поселили в левую переднюю башню на втором этаже, всего 18 человек. Обзор был круговой. Туалетов не было, и нам приходилось подниматься по разрушенным ступеням вверх и осуществлять свои потребности. Нас гоняли на работу. Мне приходилось разбирать завалы на Рыночной площади, разбирать замерзшие торфяные бурты где-то за замком. Мы оттуда приносили по паре торфяных кирпичей, используя их при приготовлении пищи.

В это время выяснилось, что секретарем мастера жандармерии был Освальд, выдававший себя за поляка, еврей по фамилии Руфайзен¹⁹. Писательница Людмила Улицкая написала о нем книгу под названием «Даниэль Штайн, переводчик». До войны он тоже был в кибуце и знал некоторых ребят из гетто. Наступил август 1942 года. Освальд предупредил, что на днях произойдет окончательная резня. Он передал оружие, и человек 100 из молодежи решили бежать. Бегство проходило через левую стену замка. Но куда бежать? В лесу были одни бандиты, партизанских

---

¹⁹ Освальд Руфайзен (1922–1998) — католический монах еврейского происхождения, кармелит, миссионер, переводчик.

Родился в еврейской семье, проживавшей в Польше недалеко от Освенцима. Он воспитывался как еврей и был активистом молодежного сионистского движения. Во время войны с его помощью были спасены около 200 евреев м. Мир. Освальд Руфайзен был схвачен фашистами, но ему удалось бежать. Он спрятался у монахинь местного монастыря, у которых пробыл 15 месяцев. Затем отправился в партизанский отряд, где воевал до освобождения Беларуси. В 1945 г. вступил в католический орден кармелитов и позже уехал в Израиль. Освальд Руфайзен создал в городе Нагария дом престарелых для «Праведников народов мира».

В 1992 г. Освальд Руфайзен приезжал в г.п. Мир вместе с выжившими узниками мирского гетто.

Умер 30 июля 1998 года в городе Хайфа в возрасте 76 лет.

Жизнь Руфайзена стала основой биографии главного героя романа Людмилы Улицкой «Даниэль Штайн, переводчик» (2006).

отрядов еще не было. И тут на помощь пришли белорусские крестьяне. Всю жизнь я мысленно кланяюсь перед ними за их бескорыстие и человечность. Но на следующий день после побега в замок явился бургомистр и заявил, что опасения напрасны, и многие вернулись.

11.08.1942, выглянув из бойницы с круговым обзором, мы увидели, что замок окружен. На валах автоматчики и пулеметчики. Все стало ясно. Паники в замке не было. Женщины стали собирать маленьких детей и одевать их по-праздничному, чтобы в могилу идти чистенькими. Все понимали, что гибель неизбежна. Мужчины, накинув на себя «талес» и «тфилин»²⁰ (атрибуты одежды) молились. Мои бабушка и дедушка приняли яд. Как сейчас помню, дедушка сказал: «Внученька, прости меня, я тебя за все прощаю». Тетя Соня дала 5-летней Ривочке яд. Перед приемом малышка сказала: «Мама, у меня ничего не болит». Сама тетя Соня и дядя Зяма приняли яд, но он на них не подействовал, они проснулись. Тогда дядя Зяма перерезал себе вены — кровь не потекла. Моя мама тоже давала мне яд, но я отказалась его принять и не разрешила принимать яд ей (судьба?). Мама ушла на работу, у нее был «аусвайс» — пропуск. Вечером она вернулась, а на следующий день опять ушла на работу. Там к ней зашел доктор Лизунов и сказал: «Сейчас идите в гетто и заберите Сарру — завтра будет поздно». Мама пошла, и когда она подошла к валам, то сказала немцам, что идет в замок, но через час выйдет с дочерью. Нас проводили рыданиями, и мы прошли — немцы нас не задержали (чудо?). Мы пришли в аптеку, и мама продолжала работать, но не в самой комнате, а в кладовке, где стояла кровать, на которой я лежала. Прошли день и ночь. Утром пришла уборщица и сообщила, что всех увезли в Яблоновщину и там расстреляли. Нам оставалось ждать. К вечеру в аптеку прибежала Бочковская и предупредила, что в аптеку идет мастер жандармерии. Деваться было некуда, думать о погибших родных и близких тоже не приходилось. Оставалось только

---

²⁰ Талес — прямоугольное молитвенное покрывало с кистями на четырех углах; тфилин — ритуальная молитвенная повязка из кожаных ремешков с двумя коробочками, прикрепляемыми на лоб и левую руку. — Прим. ред.

ждать. Он пришел и поздравил маму (мама знала немецкий), что ее оставили жить, и не одну, а с дочерью²¹.

Он пожелал меня увидеть и в качестве комплимента сказал, что я не похожа на еврейку. Нас направили на проживание к....., напротив дома Вильчицких. Хозяйку называли Г., она измывалась над нами, как только могла. Бросала в кашу кусочки кирпича, например. Да, вместе с нами оставили в живых портного Жуховицкого. Но о его судьбе я ничего не знаю.

В семье, как говорится, не без уroda. Один из обитателей гетто выдал Освальда. Но мастер жандармерии и здесь остался на высоте (и среди немцев были порядочные, с моей точки зрения, люди). Он вызвал Освальда, переговорил с ним, оставил пистолет и вышел. Освальд бежал к монашкам. Его прятали и спасли. Впоследствии он жил в Хайфе и, кажется, принял христианство, поступил в орден кармелитов.

Жить у Г. было невозможно, и нам разрешили переселиться в соседний дом к Хиневичам. Быт стал нормальным, если не считать, что нам били стекла, приходили полицейские и измывались над нами, грозили расстрелять (умер Кирка — полицей, который выдал дядю Яшу)²².

В общем, жизнь текла как в сказке, чем дальше, тем страшнее. Отрадой были посещения семьи Вильчицких, которые чем могли, скрашивали наш быт. В октябре 1943 года в аптеку прибежала Верочка (любовница мастера жандармерии)²³ и предупредила, что завтра нас убьют. Мы пошли домой, где нас ждал «некто» — молодой хлыщ, у которого потрескались лайковые перчатки. Мама ему сказала, что их необходимо смазать, и если он хочет, то в аптеку можно подойти прямо сейчас. Он сказал, что придет завтра. Это

---

²¹ Анна Савельевна Хаймович работала в аптеке фармацевтом. Фашисты очень боялись распространения epidemий, поэтому Сарру оставили в живых, т.к. мать сказала: «Убьете ее, и я умру». Прим. ред.

²² Из этических соображений не указываем фамилию Кирки, т.к. живы его родственники. Яшу он выдал потому, что до войны ухаживали за одной и той же девушкой. Прим. ред.

²³ После войны выяснилось, что Верочка передавала все сведения партизанам через свою мать. Прим. ред.

был шпик. После его ухода мы с мамой пошли к Л. Г. и дождались вечера. Из моих рук там упало зеркало, но не разбилось (случайность?).

Когда стемнело, нас дядя Л. Г. вывел в поле, и мы пошли к Юрисам (сестра отца Л. Г.). Там мы переночевали на сеновале, а утром их сын вывел нас в сторону деревни Бережное. Так мы попали в партизанский отряд²⁴, но это уже другой период моей жизни.

Хочу сказать, что воспоминания отрывочные, что в силу прошедших лет многое забыто, многое переоценено. Одно могу сказать, что Белоруссия и белорусы — это для меня не малая, а большая Родина, которую я люблю и ценю. Очень жаль, что судьба забросила меня в дальние края, где я прожила большую, насыщенную победами и поражениями жизнь. Так уж сложилось...

Если что написала не так — не взыщите — возраст, здоровье, нервы, память.

В Израиле в Ришон-Леционе живет Саша Галвер²⁵ ... Полагаю, что он много знает и многим может поделиться. Его адрес у Л. Г.

Здоровья Вам и успехов.

С уважением, Ландер.

---

²⁴ 1-й Комсомольский отряд. Прим. ред.

²⁵ Александр (Шая) Хаймович Гальвер родился в 1927 г. в м. Мир. Прим. ред.